

Посвящается Оскару

Я бы хотел выразить глубочайшую благодарность Тале Бейкер, Марку Боулду, Лорен Баклэнд, Мику Читэму, Диане Хоук, Саймону Кавана, Питеру Лейвери, Клодии Лайтфут, Тиму Маку, Фаре Мендельсон, Джемайме Мьевиль, Дэвиду Менчу, Джонатану Ридделу, сотруднику лондонского Музея транспорта, Максу Шеферу, Крису Шлюпу, Джесс Судаалтер, Хэрриет Уилсон, Полу Уиткаверу и всем другим сотрудникам издательств «Дель Рей» и «Макмиллан» за их неоценимую помощь в написании этой книги.

Разумеется, многим я обязан и моим коллегам-писателям, список которых столь длинен, что нет смысла их всех перечислять; однако я хотел бы особо отметить среди них тех, кто в работе над этой книгой оказал на меня особенно глубокое влияние. К ним относятся, в частности, Джоан Айкен, Клайв Баркер, Льюис Кэрролл, Майкл де Ларрабейти, Тэнит Ли, Уолтер Мозрс и Беатрис Поттер. Особую благодарность выражаю я Нилу Гейману за неизменную поддержку и неоценимый вклад в создание этой лондонской фантасмагории.

В одном ничем не примечательном доме была одна ничем не примечательная комната, и в этой комнате сидел один ничем не примечательный человек. Человек этот был занят тем, что трудился над какой-то уж совсем ничем не примечательной, хотя, возможно, и странной теорией.

Столы вокруг него были заставлены множеством самых разных бутылочек и колбочек, и эти бутылочки и колбочки были наполнены яркими химикалиями самых разных цветов радуги; непонятные графики, загадочные измерительные приборы и целые груды толстых книг окружали его рабочее место, подобно стенам какой-нибудь сказочной крепости. Книги эти были все открыты на какой-нибудь странице и лежали одна на другой, чтобы было удобно пользоваться: он читал несколько книг сразу, заглядывая то в одну, то в другую, и время от времени что-то выписывал — вероятно, делал перекрестные ссылки; порой он подолгу о чем-то размышлял, потом что-то писал, что-то зачеркивал, снова листал свои книги, отыскивая нужные ему факты из истории или из химии, из географии, а также из многих других областей человеческого знания.

Итак, человек спокойно работал, разве что бег пера его по бумаге был несколько нервным, да время от времени он что-то шептал, отыскав необходимые ему сведения. Нет никакого сомнения, работа его была далеко не из легких. Но, судя по его бормотанию и отрывистым восклицаниям, которыми он сопровождал восклицательные знаки, энергичным движением ставя их в своей рукописи,

нетрудно было понять, что труд его хотя и медленно, но все же подвигается вперед.

Человек этот трудился уже очень долго и изрядно продвинулся в своей работе. Он был столь поглощен своим занятием, что далеко не сразу заметил, как свет в его комнате стал меркнуть, причем как-то неестественно быстро. Какая-то странная тьма все ближе и ближе подступала к его окнам. А в комнату словно вторгалась не менее странная тишина — о нет, это было не просто отсутствие шума, это было больше, чем отсутствие шума, это было само присутствие безмолвия, и в безмолвии этом чувствовалось что-то злое.

Человек наконец поднял голову. Он осторожно положил на стол перо и повернулся на стуле.

— Эй! — неуверенно сказал он. — Профессор? Это вы? А господин министр?..

Ответа не последовало. Свет в коридоре продолжал постепенно меркнуть. Сквозь матовое стекло двери видно было, как тьма приобретает все более отчетливые очертания. Он медленно встал. Потом несколько раз шмыгнул носом, приносясь, и глаза его округлились.

Сквозь щель под дверью в комнату протянулись тонкие струйки дыма. Они шевелились, словно живые щупальца.

— Вот оно что... — прошептал человек, — так, значит, это ты.

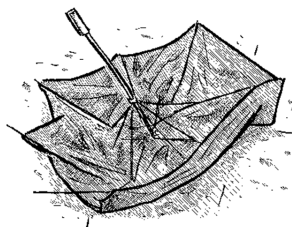
Ответа снова не последовало, но за дверью раздался какой-то слабый дребезжащий звук, который можно было принять за тихий смех.

Человек судорожно сглотнул слюну и сделал шаг назад, не отрывая взгляда от двери. Струйки дыма, постепенно густея, толстыми спиралями заволокли дверной проем и, извиваясь, потянулись прямо к нему. Дрожащими руками он быстро собрал свои бумаги. Потом так же быстро, однако стараясь делать как можно меньше шума, понес стул к вентиляционному люку, расположенному высоко под потолком. Лицо его выражало испуг и вместе с тем

..... ЧАЙНА МЪБЕВИЛЪ
.....

отчаянную решимость — а может, и наоборот, решимость, несмотря на крайний испуг.

А дым все больше заполнял комнату. И не успел человек добраться до люка, как снова раздался этот зловеющий звук — звук дребезжащего смеха. Человек повернулся к двери.

..... *Часть I*

ЗАННА И ДИБА

1. Учтивая лисица

Не могло быть и тени сомнения: на самом краю спортивной площадки, прямо за турниками, стояла живая лиса. И что еще удивительнее — лиса явно что-то высматривала.

— Смотри, вон там, видишь?

Площадка была заполнена детьми, одетыми в невыразительную серую школьную форму; они увлеченно гоняли мяч, стараясь забить гол в самодельные ворота. И в этом шуме и гаме только маленькая стайка девочек стояла неподвижно, наблюдая за лисицей.

— Правда, девочки, вижу, вижу, вон она. Смотрите, она смотрит на нас, — прошептала одна из них, та, что была выше всех ростом и выделялась светлыми волосами. Ей лучше всех было видно зверя, укрывшегося в зарослях высокой травы и чертополоха. — Но почему она даже не шевельнется?

Девочка медленно двинулась навстречу лисице.

Когда подружки только-только приметили лисицу, им показалось, что это обыкновенная собака; не прекращая оживленной болтовни, они двинулись к ней. И только дойдя до середины асфальтированной площадки, девочки вдруг поняли, что перед ними никакая не собака, а настоящая лиса.

На дворе стояло прозрачное осеннее утро, в ясном небе ни облачка, ярко светило по-осеннему прохладное солнце. Девочки глазам своим не верили: вот это да, живая лисица!

Они подошли уже совсем близко, а она не боится: смотрит и никуда не убегает.

— А я уже один раз видела лису, — прошептала Кэт и перевесила сумочку на другое плечо. — Когда мы с папой гуляли по каналу. Он сказал, что сейчас их в Лондоне много развелось, просто мы их не замечаем.

— Почему она не убегает? — беспокойно проговорила Кейша. — Я дальше не пойду. У нее зубы острые.

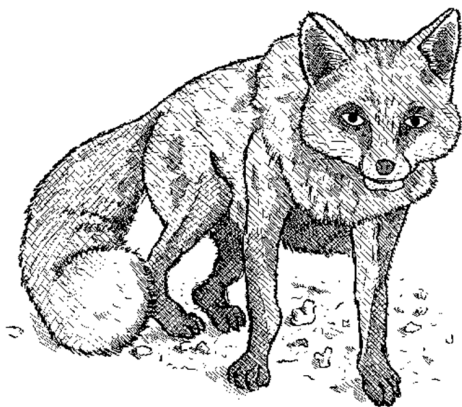
— Ну да, это для того, чтобы съесть тебя, внученька, — отозвалась Диба.

— Там была не лиса, а волк, — отпарировала Кэт.

Но дальше Кэт и Кейша все-таки идти не решились, зато Занна, та самая, светловолосая, продолжала тихонько приближаться к лисице. От нее, как всегда, ни на шаг не отставала Диба. Вот они уже совсем близко, лиса сейчас испугается, подпрыгнет, грациозно махнет своим пушистым хвостом, нырнет под забор и исчезнет!

Но лисица не двигалась с места.

Никогда в жизни девочки не видели, чтобы животное стояло так неподвижно. И дело даже не в том, что лиса не шевелилась: она не шевелилась *совсем*. Девочки подходили все ближе и ближе, и возле турников они уже не просто шли, они пригнулись и, высоко поднимая ноги, крались, словно заправские охотники в мультиках.

А лисица бросила быстрый взгляд на Дибу и снова перевела его на Занну, и в глазах ее читалась какая-то странная, почти человеческая учтивость.

Диба сдвинула брови.

— Ну да, она явно смотрит на нас, — сказала она. — Точнее, на тебя. Похоже, я ее не интересую.

Занна терпеть не могла своего полного имени Сюзанна, а уменьшительного Сью терпеть не могла еще больше. В этот микрорайон она переехала около года назад и быстро подружилась с Кэт, и с Кейшей, и с Бекс, да и с другими девочками тоже. Но больше всего она сдружилась с Дибой. В первый день всю дорогу до школы, а потом и в школе Диба смешила Занну своими шутками и выходками, а такое под силу далеко не каждому. И с тех пор они стали как нитка с иголкой: куда Занна, туда за ней и Диба. В облике Занны была какая-то странная особенность, которая сразу всем бросалась в глаза. Училась она вполне сносно и в спорте была не из последних, неплохо танцевала, в общем, была как все — она всегда старалась быть не хуже других, но особенно и не выделяться, и дело вовсе не в этом. Она была стройна и хороша собой, но этими своими преимуществами пользоваться даже и не пыталась: во всяком случае, казалось, что она всегда предпочитает держаться в тени. Но, увы, получалось это у нее далеко не всегда. И если б не ее легкий, общительный нрав, это могло бы доставить ей немало хлопот.

Самые близкие подруги были всегда с Занной немного настороже, словно не совсем понимали, как с ней себя вести. Сама Диба не раз признавалась себе, что Занна какая-то слегка не от мира сего. Бывало, стоит, весело болтает с кем-нибудь — и вдруг словно отключилась, ничего не видит вокруг, ничего не слышит, уставится взглядом куда-то в пространство и даже не помнит, о чем она только что говорила.

Вот и теперь она во все глаза смотрела на лисицу и с видимым усилием пыталась сосредоточиться, чтобы понять, что говорит ей Диба.